

Вряд ли бы я осмелился предложить рецензию на книжку искусствоведа и писательницы Нины Молевой в «ЭС» — еженедельник, который в основном занимается проблемами кино и театра. А потом кому в наше время нужны книжки? Но «Манеж. Год 1962. Хроника-размышление» описывает события драматические, касающиеся всех без исключения искусств.

СИНДРОМ МАНЕЖА

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ ОДНОЙ КНИЖКИ

почему решение этих деликатнейших, требующих особой подготовки вопросов мы доверяем духовно неполноценным и культурно невежественным людям?

«Кругом стояли люди, которых я привык видеть на размокших от дождя и снега портретах. — Это цитата из дневника очевидца, приводимая в книжке. — Их лица, равнодушные и скучающие, смотрели на меня.

— Где вы работаете? — спросил Хрущев.

— Он преподает в Полиграфическом институте, — раздался за спиной услужливый женский голос.

Я обернулся. Это говорила Фурцева. Ночью, когда мы развешивали картины, она приехала в Манеж и, протянув мне руку, сказала: «Какой вы славный, Белютин». Ведь еще не было известно, как все обернется.

— Ваша информация неверна, — сказал я. — Я давно там не работаю.

Кругом по-прежнему было тихо...

ты некоторых бывших руководителей творческих союзов, легитимированных этими же самыми людьми и этой властью.

«...недостаточное знание предмета! Пожалуй, в нем П. М. Керженцева можно заподозрить меньше, чем в других. Историко-филологический факультет... многолетнее сотрудничество в подпольной печати, работа в «Правде» и «Известиях ЦИК», редактирование журналов «Книга и революция», «Литература и искусство». И еще — дипломатическое приращение. И еще — управление делами Совнаркома. Должности сменяли одна другую в таком непостижимом калейдоскопе, что практически ни одной он не мог посвятить по-настоящему времени.

Просвещенный и влиятельный человек этот знал, что делал, когда в 1937 году написал для «Правды» печально знаменитую статью, с которой началась закончившаяся гибелью обвала на Мейерхольда. Это министр культуры — тогда (1936—1938 гг.) председатель Комитета по делам ис-

Здесь, конечно, можно было бы топтаться на парадоксальной ситуации, когда министр культуры не вступает за культуру; или спуститься на другой, бытовой уровень: все стоят и заинтересованно смотрят, когда сильный избивает слабого. Но разве все это только дела отгремевшие? Разве в бедственное наше время самая бедная не культура? Разве по-прежнему первые лица в государстве не оперируют, подыгрывая невежественным и низменным вкусам, суммами «сверхдоходов» художников, отчетливо понимая, что этих «сверх» в обществе казарменного социализма нет и никогда не было у искусства истинного?

Увы, увы, все в наше время создается и трансформируется людьми. Прекрасный миф о прекрасных идеях рассеялся, ибо опыт показал, что под самые светлые идеи подвешиваются концентрационные лагеря и лесоповал. Были бы люди, придумщики и исполнители.

Нина Молева в своей книге не обошла стороной «человеческий фактор». С моей точки зрения, мимолетные портреты вечных и сиятельных оппонентов искусства — Поликарпова, Суслова, Лебедева, Керженцева у их современницы и полужертвы Нины Молевой получились необыкновенно живо, так же, как, впрочем, и портре-

кустств при СНК СССР — бьет по своим!

Но хватит о грустном, поговорим и о смешном. Но разве это смешное в жизни не перемешано с трагическим? А может быть, художник должен обладать мстительным и бестрепетным сердцем? Может быть, именно он сторожит справедливости и, затаившись, ждет, чтобы нанести праведный удар?

Идеологическая комиссия. 24 декабря 1962 года, победный осмотр партаппаратом поверженной художественной интеллигенции. Творцы после битвы.

«От перестройки будущих ее лидеров, — цитирую писательницу, — отделило целых четверть века. Кто бы стал думать, что со временем кто-то поднимет списки выступающих, пересмотрит ставшие доступными стенограммы, сравнит появившиеся в те дни оценки идеологов: «Все мы радуемся гражданским патристическим стихам Е. Евтушенко. Он весьма чуток к современности. Но были у него и другие стихи — поверхностно декларативные, подыгрывавшие обывательским настроениям». Пусть ничего опасного в подобной формулировке, — продолжает писательница, — не было, Евтушенко счел нужным трагически воскликнуть о том, что, если на его вечере кто-нибудь скажет что-то антисоветское, он первым отведет его в органы: «Пусть

партия знает, что самый близкий и родной человек станет мне в таком случае врагом».

Я все время раздумывал, что заставляет Н. Молеву, писательницу, по своим пристрастиям явно относящуюся к «левому» лагерю, пользоваться такими, не щадящими «своих» жесткими формулировками?

«Молодежи были отведены последние по времени места, — рассказывает Н. Молева о пленуме Союза писателей, связанном с верноподданнической угодливостью в догонку разгрому в Манеже. — Их «выслушивали», как указывалось в стенограмме пленума, и должны были они, согласно специальным указаниям старейшин, признавать ошибки. Всех явно удовлетворило выступление Андрея Вознесенского: «Здесь на пленуме говорили, что нельзя мне забывать строгих и суровых слов Никиты Сергеевича. Я никогда не забуду. Я не забуду не только этих суровых слов, но и тех советов, которые высказал мне Никита Сергеевич. Он сказал: «Работайте». Эти слова для меня — программа... Я понимаю огромную ответственность перед народом, перед временем, перед Коммунистической партией. Это для меня самые дорогие понятия. Я не оправдываюсь сейчас, я просто хочу сказать: сейчас для меня самое главное — работать; работать и работать, и эта работа покажет, как я отношусь к стране, к коммунизму, покажут мою суть».

Но Н. Молева готова идти и дальше. В ее художническом поведении и писательской позиции есть некий пурризм праведника, соизмеряющего происходившее со своей бескомпромиссной жизнью.

«Только что от Ильичева, — так начинает писательница свой очередной микропортрет. Это Э. Неизвестный, примчавшийся на квартиру к Э. Белютину. — Еле добился приема. Сказал, что ничего общего с тобой и с твоей Студией не имею, что моя главная ошибка — согласился выступать вместе с твоими. Каюсь и сознаюсь. А он меня выгнал! Понимаешь, просто выгнал! Сказал, что партии не нужны ни дешевые поканы, ни предательство товарищей. Как тебе это нравится! Это что-то новенькое. Значит, старик, у тебя есть шанс, тебя, выходит, ценят».

Рецензию всегда труднее писать на книжку захватывающую, интересную: увлекают у сильного автора фон, бесчисленные подробности, вкрапленные в общую ткань. Как всегда, вроде бы избыточные, но, как всегда, строго необходимые. И так хочется привести, прельстить читателя. Еще эпизод о М. И. Цареве и его статье в «Правде» о «том, — цитирую, — как Мейерхольд загубил его актерский талант». О том, что на собрании мейерхольдовской труппы 25—27 декабря каждый торопился бросить камень поуевистее, побольнее в учителя и руководителя. Сто девяносто присутствовавших, почти девяносто выступавших, вырывавших друг у друга возможность бросить хоть несколько дышащих злобой и трусостью слов. Сергей Мартинсон, Осип Абдулов, кинегерой предвоенных лет, Николай Боголюбов, Лев Свердлин, режиссер Борис Ровенский и Сергей Майоров...

Постойте, постойте, но ведь я сам хорошо помню, как в своем кабинете главного режиссера Малого театра Борис Ровенский рассказывал мне вздохом о своем учителе Всеволоде Мейерхольде!

Вот, оказывается, для чего иногда надо читать книги об изобразительном искусстве.

К этому остается добавить крошечную подробность. Книга Нины Молевой «Манеж. Год 1962» издана «Советским писателем» мизерным тиражом в 5 тысяч экземпляров, но с пометкой: «Издание осуществлено за счет средств автора». Уже не первый год вращаясь в кругу издателей, редакторов и издательских возможностей, я представляю себе этот «доход». Одна только правда, а выражаясь по-научному, только истина получит здесь свои проценты. Но сколько же обид, сколько несправедливости вытерпело это сердце! Это уже об авторе книги.

Сергей ЕСИН.

18.11.91

Молева Нина Михайловна